

**«Природные стихии
в русской словесности» /
Отв. ред. д-р филол. наук,
проф. А.И. Смирнова. М.: ЛЕНАНД,
2015. 240 с.**

Тема природных стихий не раз становилась объектом научных рефлексий и достаточно широко раскрыта на материале русской литературы. Современный взгляд на многообразие воплощений стихий воды, земли, огня и воздуха в русской литературе и фольклоре определяет научную актуальность и значимость новой книги. Природные стихии осмысливаются в качестве основных мифологем национального самосознания. В четырёх разделах издания помещены статьи, посвящённые образам природы, моделям природного пространства, ландшафту, стихиям, которые нагружены в словесности символическим, мифологическим, этнокультурным, прагматическим и прочими смыслами.

Первый раздел **«Природа в фольклоре»** открывается статьёй М.В. Строганова «**Степь и болото как ландшафтные образы России: от традиционной культуры к авторскому сознанию**», в которой речь идёт об имагологии — науке о национальных и государственных имиджах. Автор статьи проследит эволюцию двух ландшафтных образов России — степи и болота, отражающих национально-поэтические представления, и приходит к следующим выводам: репрезентация национальности предшествует репрезентации государственности, авторская культура неизбежно политизирует ландшафтные образы, а традиционная культура такой политизации не знает.

В статье А.А. Ивановой анализируется роль культурного ландшафта в формировании картины мира, фольклора, ритуальных практик и диалекта жителей северорусских деревень. На полевом материале и на примере реки исследуется механизм преобразования природного объекта в художественный образ.

В.Е. Добровольская на полевом материале исследует народные мифологические поверья, запреты, предписания, магические действия, связанные с освоением природного пространства. В традиционной культуре и фольклоре пространство обитания человека делится на «своё» и «чужое». Человек, осваивая природу, вступал в договор с хозяином локуса. Когда у пространства не было «официального» хозяина, а освоение его было визуальным (как, например, в случае с небом), человек всё равно должен был соблюдать нормативы, которые призваны защитить как самого человека, так и весь деревенский социум от опасностей, исходящих от мира природы.

В статье И.Н. Райковой рассматривается взаимосвязь практики освоения младенцами и детьми природного пространства и природных образов (зоологических, растительных, ландшафтных и др.) в детском фольклоре. Материнский фольклор, помогая младенцу и маленькому ребёнку осваивать окружающее пространство, выполняет во многом компенсаторную функцию: реальность познаётся через поэзию. В этом контексте понятными становятся и самые первые страхи, связанные с исчезновением мамы. Для подрастающего ребёнка и подростка детский фольклор служит средством передачи коллективного опыта от взрослых, старших детей и сверстников, в том числе опыта общения и взаимодействия с реальным окружающим миром, природой. И, напротив, — в традиционной культуре природа становится органичным пространством детских игр, забав и первых забот, источником печалей и радостей.

Второй раздел логически связан с первым и посвящён **природным стихиям и явлениям**, которые осмысливаются в качестве миромоделирующих (Вода, Земля, Огонь и Воздух), как стихийные бедствия (катаклизмы) и как метеоявления (буря, метель, гроза и др.). В статье Э.Ф. Шафранской «Землетрясение как паттерн ташкентского текста русской культуры» разрушительная природная стихия раскрывается на материале фольклора и литературы, художественной и публицистической, в двух аспектах: землетрясение — сигнатура ташкентского текста; бэкграунд землетрясения, рождающий эсхатологическую мифологию.

В статье А.Г. Чепикова «Природные стихии и явления в романе Е.Е. Чирикова “Отчий дом”» через природные образы анализируются характеры главных героев, рассматривается концепт «чистой» природы как метафоризированной и антропоморфной схемы на фоне событийного ряда художественного мира произведения; интерпретируется мифологическая, символическая, знаковая и фольклорная основа природных стихий и явлений.

Образу водной стихии в русской женской поэзии XIX века посвящена статья О.В. Гаврилиной, в которой анализируются стихотворения Е. Кульман, М. Лисициной, Н. Тепловой, Е. Ростопчиной, Ю. Жадовской, Е. Шаховой и Е. Бекетовой. Автором выявлены основные контексты, в которых идёт речь о различных водных мифологемах (река, пруд, озеро, море), отражающих мир женских чувств.

Установление глубокой связи человека с окружающим миром в художественном пространстве С. Шаршуна — основная цель статьи А.А. Рюкиной. Автор прослеживает, как созерцание главным героем водных стихий даёт толчок к углублённому самопознанию и анализу отношений с обществом. В статье прослеживается, как образ птиц служит в поэме С. Шаршуна символом гармонии небесного космоса, к единению с которым интуитивно стремится душа главного героя.

Завершает этот раздел статья П.П. Ткачёвой «Аллегорические образы природных стихий в творчестве Владимира Высоцкого». Парадоксальность творчества В. Высоцкого в том, утверждает автор, что его произведения просты для восприятия, но сложны для понимания. В них заложено множество

смыслов, символов, воплощающих авторскую философскую картину мира. Одними из смысловых символов в творчестве В. Высоцкого являются образы природы, которые поэт передаёт при помощи аллегории и которые уже связаны культурной (например, мифологической или фольклорной) традицией с данной природной стихией. Примером могут служить такие произведения, как «Кони привередливые», «Очи чёрные», в которых ветер, буря передаются при помощи образа летящих коней, или произведение «Купола», где стихия огня представлена в образе горящих свечей-куполов, а также свечей — золотых заплаток души.

Природные мифологемы — предмет исследования учёных в третьем разделе книги. Автор статьи «Роса как символ и троп в русской поэзии» Г.И. Романова приходит к выводу о том, что в традиционалистских текстах роса является многозначным символом божественного присутствия, христианского учения, веры, крещения. Наряду с умножением значений данного символа в русской поэзии XVIII–XIX веков всё большее распространение получает иносказание, троп, в основе которого лежит сравнение с росой. Особое распространение получает топка росы, связанная с пейзажной тематикой.

В статье Е.Ю. Полтавец «Нефеломанты и нефеломаны в русской литературе XIX века» рассматриваются нефеломантия и «мотив облака» в различных мифологических системах художественной литературы. Автор статьи обращает внимание на соответствующие образы и мотивы в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, «Грозе» А.Н. Островского, «Облаке» К. Аксакова, русской поэзии и других литературных текстах.

А.Д. Казимирчук сосредоточила внимание на образе природы в литературной сказке Н.Н. Каразина, писателя, художника и путешественника. Помимо увлекательного сюжета повесть-сказка «С севера на юг. Путевые воспоминания старого журавля» содержит сведения по географии, флоре и фауне тех мест, через которые пролегает путь журавлиной стаи, — России, Болгарии, Турции и Египта. Справедливо замечание автора статьи, что пейзаж у Н.Н. Каразина — это не только способ описать окружающий мир, постичь Бога, полюбить родину, но и поиск себя в этом мире.

В статье А.И. Смирновой «Природные константы в лирике Серебряного века» представлен анализ природных мифологем на материале произведений, вошедших в книгу «Времена года в поэзии Серебряного века. Какие дни и вечера!...». Обращение к природным константам — стихиям воздуха и воды, пространственным и растительным образам — позволяет «выявить особенности, присущие поэтическому сознанию Серебряного века, доминантные признаки, определяющие «координаты» построения национального образа мира, специфику и нюансы авторской оптики» (с. 132).

Дерево как слагаемое восточного текста стало предметом исследования в статье Т.М. Пономарёвой и Э.Ф. Шафранской, в которой мифопоэтический концепт дерева выявляется на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», рассказа Н. Думбадзе «Хазарула», рассказа С. Афлатуни «Проснуться в Ташкенте» и прозы Т. Пулатова.

В статье Т.В. Сапрыкиной «Природно-космические символы в прозе Чингиза Айтматова» анализируются природные стихии земли, воды, воздуха, выявляется функционирование образов-символов (небо, ветер, горы, дерево, море, озеро, река и др.) в повестях и романах писателя («Белый пароход», «Пегий пёс, бегущий краем моря», «Плаха», «И дольше века длится день...», «Когда падают горы...»).

О.Ф. Ладохина анализирует мотив исцеления в популярном ныне романе Е. Водолазкина «Лавр», исследует стиль письма писателя (соединение древнерусской речи с актуальной лексикой), жанровые особенности романа, в котором воссоздана картина XV века, с яркими портретами и характерами.

И завершает третий раздел книги статья Н.А. Томиловой о двух романах А. Иличевского «Математик» и «Ай-Петри». Автор статьи отмечает, что тема путешествий — как географических, так и духовных, будучи одной из главных в прозе А. Иличевского, развиваясь от романа к роману, достигает (как в прямом, так и переносном смысле) горной вершины — неразрывности и взаимосвязи человека с природой. Образ горы помогает героям А. Иличевского обрести внутреннюю гармонию с собой и окружающим миром, осознать значимость природных стихий в жизни каждого человека.

Четвёртый раздел книги — **«Натурфилософия и биоэтика»** — открывается статьёй И.И. Матвеевой «Природный мир в творчестве Андрея Платонова». В статье прослеживается эволюция взглядов писателя на природу. Автор рассматривает некоторые антропоморфные и зооморфные образы Платонова, анализирует стихии ветра, воды, земли как важнейшую часть природного мира писателя, касается проблемы «естественного человека» в его творчестве.

В статье финской исследовательницы А. Розенхольм «Эстетика путешествия: пространство и повествовательные средства в экологическом воображении Беллы Улановской» на материале рассказов «Осенний поход лягушек», «Кто видел ворона» и «Альбиносы» рассматриваются образы природы. Автор концентрирует своё внимание на пространственных измерениях как основном элементе «экологического воображения» русской писательницы И.Ю. Улановской, соотносённости места, пространства и повествовательных средств.

В статье польской коллеги Ю. Тыменецка-Суханек «“Одержима духом анимализма”: биоцентризм в русской литературе (Борис Рябинин)» обращается внимание на актуальность проблемы биоцентризма, который как этическая концепция и как научный подход к идеям охраны природы получает распространение в XX веке. На материале произведений Б. Рябинина автор статьи приходит к выводу, что этическая роль художественного анимализма заключается, во-первых, в раскрытии самостоятельной ценности животного и, во-вторых, в демонстрации возможности единения человека с животным и альтруизма в этой межвидовой связи.

Теоретико-методологическая статья О.В. Гаврилиной «Природа как эстетический феномен в художественной литературе и его изучение» логично

завершает книгу «Природные стихии в русской словесности». Автор статьи прослеживает историю изучения «чувства природы» в отечественном литературоведении, выделяет ведущие научные направления и школы.

В рецензируемом труде привлекает концептуальный характер научных статей, новизна исследовательских подходов, выбор материала, осмысливаемого в широком диапазоне — от глубокой теоретической постановки и решения заявленной проблемы к детальному анализу отдельных образов природных стихий.

И.И. Мурзак